

Социокультурный контекст как основание гендерного неравенства и насилия

Научный руководитель – Вершинин Сергей Евгеньевич

Туркина Наталья Александровна

Аспирант

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина,
Институт социальных и политических наук, Екатеринбург, Россия

E-mail: tnnatasha@rambler.ru

Возрастание научного и общественного интереса к проблеме гендерного неравенства в западных обществах явилось, в частности, следствием высокой степени автономии индивидов, признания свободы и жизни человека как наивысших ценностей. Однако, несмотря на доминирование в европейских культурах ценности свободы и прав личности, гендерное неравенство и насилие остаются одной из наиболее острых проблем современности.

Насилие является составляющим компонентом гендерных конфликтов, которые возникают на почве структурного гендерного неравенства. В гендерных конфликтах направленность насилия испытывают, прежде всего, женщины. Под термином гендерное насилие в отношении женщин мы будем понимать любой совершенный на основании полового признака акт насилия, который причиняет или может причинить вред физическому, половому или психическому здоровью женщины, а также страдания или угрозы совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы.[1]

Насилие в отношении женщин сохраняется в обществах из-за различных социокультурных контекстов.[2] Под социокультурным контекстом мы понимаем системно-организованное социальное пространство, в рамках которого индивид усваивает, транслирует и воплощает в своем поведении ценности культуры, права, морали, науки.

Для углублённого понимания социокультурного контекста и его взаимосвязи с явлением насилия в социуме, возможно использование теории американского антрополога Э. Холла, в которой все культуры разделяются на два типа: высоко- и низконтекстуальные культуры. Высококонтекстуальные культуры, к которым относятся страны Азии, такие как Япония, Корея, Китай, Саудовская Аравия и др., ориентированы на прошлое в силу сильных традиций и своего исторического развития. Этому типу культуры присущи неязыковой контекст: социальная иерархия, религиозные положения, манера общения. В языках данных культур не предполагается использование детальной информации, зачастую применяют большое количество намеков и метафор, содержащихся в контексте ситуации. Для стран западной Европы, Северной Америки, таких как Канада, Германия, Норвегия типичны низконтекстуальные культуры. Обозначим характерные особенности, имеющиеся у данных двух типов культур. В высококонтекстуальных культурах доминирует ценность социума над индивидами, индивидуальные чувства находятся под сильным самоконтролем. В подобных типах обществ существует четкая структура социальной иерархии, поддерживаемая культурными ценностями прошлого. В низконтекстуальной культуре, напротив, люди очень индивидуализированы, преобладает ценность личности, ее прав и возможностей. В странах с культурой низкого контекста люди открыты к диалогу и к обсуждению проблем, о которых в странах с культурой высокого контекста принято умалчивать.

В реальности ни одна культура не является абсолютно высококонтекстуальной или низкоконтекстуальной. Вместо этого культура может иметь более высокий культурный контекст или более низкий, чем культура другого социума. Ни одна из современных культур не является статичной, они динамичны, непрерывно развиваются под воздействием внешних и внутренних факторов. Культуры усложняются, становятся многообразнее их нормативные установки и ценностные ориентации. Например, с распространением идей политкорректности в странах западной Европы и Северной Америки, т.е. стран, которым характерна культура высокого контекста, стала заметна тенденция табуирования слов, предметов, понятий, касательно расы, национальности, сексуальной принадлежности и замена их на эвфемизмы. Глобальные миграционные процессы, в свою очередь, оказывают воздействие на однородность культур, смешивая и усложняя их.[4]

В зависимости от типа социокультурного контекста, культурные варианты интерпретации или «рациональные» обоснования гендерного насилия конструируют различные поведенческие стереотипы как насильника, так и жертвы, в отношении одних обстоятельств. Существуют нормативно приемлемые и нормативно осуждаемые варианты насилия над личностью и группой. Для культур высокого контекста характерно замалчивание, либо отрицание насилия как преступления против личности со стороны участников насилия и свидетелей, опираясь на патриархальные гендерно-ролевые установки. Такая ситуация создает значительные барьеры на пути преодоления насилия в обществе и в оказании помощи и реабилитации жертв насилия.[3] Чем выше контекстуальность культуры, тем больше информации, необходимой для понимания ситуации, замалчивается или отрицается.

Таким образом, в зависимости от социально-культурного контекста, моральное измерение и интерпретация насильственных действий имеют разный смысл и назначение. Борьба с гендерным неравенством и насилием должна быть направлена не только и не столько против самого феномена насилия, сколько на изменение социокультурного контекста.

Источники и литература

- 1) Декларация об искоренении насилия в отношении женщин, ООН, http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml
- 2) Тишков В.А. Теория и практика насилия // Антропология насилия. СПб, 2001, С. 7-39.
- 3) Silverman Anita Raj Jay, The Roles of Culture, Context, and Legal Immigrant Status on Intimate Partner Violence // Violence Against Women, Vol. 8 No. 3, March 2002 P. 367-398, <http://dx.doi.org/10.1177/10778010222183107>
- 4) So-Kum Catherine, Social Construction of Women as Legitimate Victims of Violence in Chinese Societies// /Violence Against Women Vol. 8 No. 8, August 2002 P. 968-996 <http://dx.doi.org/10.1177/107780102400447096>